

Александр Яковлев

Большевизм — социальная болезнь XX века

«ЧЕРНАЯ КНИГА КОММУНИЗМА» — историко-публицистическое исследование преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Переведена на 31 язык. На русском языке вышла в издательстве «Три века истории». Вступительную статью к «ЧЕРНОЙ КНИГЕ КОММУНИЗМА» на русском языке написал политический и общественный деятель, публицист, социальный мыслитель, академик РАН Александр Николаевич Яковлев.

... Он прошел путь, исполненный глубокого драматизма, — от искреннего, последовательного коммуниста до искреннего последовательного демократа, антикоммуниста. Он описал в своих честных исповедальных книгах все противоречия, все сложности, все муки этого пути. Пожалуй, никто из наших современников не вложил столько сил, столько ума, не потратил столько времени для того, чтобы завоевания свободы, демократии в нашей стране, при всей их неполноте и фрагментарности, стали, тем не менее прочными, необратимыми.

Александр ГЕЛЬМАН

фото: krugosvet.ru

(продолжение, начало в №№ 100-108)

Вероятность того, что реальный исторический процесс разойдется с прогнозом Маркса, была велика с самого начала. И в то давнее время можно было заметить, что каждый очередной кризис перепроизводства, с которым связывались надежды на начало революции, разрешался мирным путем, подталкивая капитализм на новую ступень расширенного воспроизводства.

Неслучайно Энгельс в конце жизни признал, что его и Маркса взгляды на отличие будущего некапиталистического общества от общества современного не имеют никакой теоретической и практической ценности вне связи с конкретными фактами и процессами истории.

Второе. Необходим перенос центра тяжести практических преобразований на закрепление достигнутого, создание надежной опоры демократии в институтах, механизмах и структурах экономики, государства, общества.

Третье. Мы вступаем в период еще большего числа неопределенностей, запрогнозировать исход которых, вычислить траекторию их развития чрезвычайно трудно. Неопределенностей и во внутренней жизни, и в мировой политике, и в мире в целом, период этот требует особой осторожности. Конечно же, не отказа от осуществления реформ, отказа, который искусственно породит новые неопределенности.

Четвертое. Под любые реформы, имея в виду реформы оправданные, направленные на благо человека, сейчас необходим колоссальный объем предварительных исследований, прогнозов, разработок, проверки ряда исходных положений на моделях.

Недостаточность разработок больно ударяет по реформам и их сторонникам, замедляет или останавливает преобразова-

ния. Отныне и далее в структуру политической и государственной систем, экономики, всей общественной жизни должен быть заложен институт реформ в качестве постоянного и всеобъемлющего института, обеспечивающего жизнеспособность общества.

Пятое. Скажу так — поверить в возможность и реальность обновления в наших условиях в начале 1985 года было нелегко. Однако — свершилось.

Тем самым, жизнь еще раз, хотя и крайне драматично, подтвердила, что все общественные процессы неизменно носят циклический характер. И потому противодействие консервативной волны тоже неизбежно. Само по себе оно не тождественно отступлению, частичной реставрации прошлого (хотя может дойти и до этого).

Реформация должна уже сейчас задуматься над тем, как облегчить наступление следующей фазы цикла — реформаторской, а не стихийно реставрационной. Тут есть много возможностей.

На пережитую в 1990-1991 годах, в 1993 году и вновь всколыхнувшуюся сегодня фазу оживления реваншизма, подкрепляемую фашизмом, необходимо взглянуть только как на неудачу или неизбежное зло, с которым приходится считаться, и как на определенный сигнал о подстерегающих демократию опасностях.

Шестое. Куда же все-таки эволюционирует обновление? Предперестроечное общество сильно напоминало феодальное, с точки зрения того, как строились в нем взаимные интересы и вся система экономической и социальной мотивации.

Полное отчуждение всех от всего предопределило то обстоятельство, что система в целом была никому не нужна: ни низам, ни верхам. Максимум, что мотивировало, — это личное, индивидуальное положение, если оно

приносило хотя бы небольшие привилегии.

Именно поэтому «тот социализм» рухнул так же молниеносно и на удивление легко, как в свое время рухнул — без войн и революций — рабовладельческий строй.

Возможно несколько вариантов развития. Один из них беспокоит меня больше всего. Сегодня общество отличается высоким уровнем конфликтности. Но конфликтность порождает потребность в защите — военной, экономической, социальной, — потребность эта, в свою очередь, возвращает определенную иерархию отношений.

Так возник феодализм. Именно стадию социализированного феодализма мы еще переживаем и сегодня. Тенденция к своеобразному региональному феодализму будет, на мой взгляд, достаточно сильной в нашей внутренней жизни, по крайней мере, на ближайшее десятилетие. И центральным звеном станут новые республики; министерства и ведомства — там, где они сохраняются; крупнейшие концерны.

Перспективы обновления, доступные ему альтернативные пути дальнейшего движения, — самостоятельная тема, нуждающаяся в отдельной разработке.

Главные же вопросы сейчас: что и как должно быть сделано для того, чтобы реформы действительно стали неотъемлемым принципом общественной жизни? Что можно противопоставить тенденциям, толкающим к авторитарности, рефеодализму, укреплению иерархических и клановых структур? Что надо сделать, чтобы жизнь в стране, чем дальше, тем сильнее, подчинялась критериям рациональности?

В целях кардинального изменения социального бытия, на мой взгляд, необходимо сосредоточить всю деятельность по направлениям, способным определить уход коммунизма и придать качественно новый облик обществу. Эти направления я символически называю «Семь «Д»»:

Депаразитация;

Демилитаризация;
Денационализация;
Деколлективизация;
Демонопользация;
Деиндустриализация — экологическая;
Деанархизация.

Депаразитация. Это — самое трудное. Наше государство — единственное во всемирной истории, которое запрещало человеку зарабатывать столько, сколько он может. Библейски вечно истинное «в поте лица своего» люмпены называли «рвачеством», «обуржуазиванием», «перерождением», «шкурным интересом» и т.д.

Большевизм через уравниловку сделал большинство людей нищими. Уравниловка — мутный источник иждивенчества, полуроботы-полупаразитизма. Она принуждает даже труженика опускаться до уровня лодыря. Бездельный ритуал, то есть присутствие на работе — суть отношения к труду. Отсюда — тотальная люмпенизация общества. По качеству и образу жизни, по отношению друг к другу, к политике, духовной и материальной жизни. Надо только научиться лгать, воровать, списывать, приписывать, обвешивать, обсчитывать и т. д.

Сюда надо прибавить тьму убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, сле-

довательно, паразитируют на других. А все мы — вольно или невольно — паразитируем на природе. Благо, что не обделены богатством.

Депаразитация общества возможна только через введение института частной собственности. Причем под частной собственностью имеются в виду все формы собственности, кроме государственной. На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы.

Законность, правопорядок — это императив частной собственности, ее творение. Частная собственность непобедима, ибо она наиболее эффективна.

Только частная собственность через действие закона стоимости и конкуренции непрерывно повышает производительность труда и создает материальные блага в изобилии. Частная собственность — первооснова автономии личности, ее обогащения — интеллектуального и материального. Человек без собственности — винтик, терпеливо ждущий, когда его, заржавевшего, смажут социальным маслом. Человек без собственности не может быть свободным.

(продолжение следует...)

